

DOI: 10.15372/HSS20170418
УДК 94 (47) 084.8/084.9

Е.В. ДОЛГОПОЛОВА

ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ СУДОВ ЛЕНИНГРАДА)

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
РФ, 197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д.7

Статья посвящена малоисследованной проблеме формирования судейского корпуса в среднем звене судебной системы в первые послевоенные годы. На основе нормативных актов и делопроизводственных источников изучены разные аспекты работы с кадрами в городском суде Ленинграда. Автор приходит к выводу о том, что в условиях «кадрового голода» власть стремилась в кратчайшие сроки укомплектовать суды политически лояльными и профессионально образованными сотрудниками. Это делалось главным образом за счет повышения образовательного уровня работавших судей без их отрыва от основной деятельности. Вместе с тем для будущего судьи было важно не только войти в судейское сообщество, но и удержаться в нем. Для этого требовалось соответствовать уровню образования, идейно-политической подготовленности и даже национальной принадлежности.

Ключевые слова: советская судебная система, Ленинградский городской суд, народный судья, Управление Министерства юстиции по г. Ленинграду, Министерство юстиции СССР, кадровый вопрос.

E.V. DOLGOPOLOVA

FORMATION OF THE JUDICIAL STAFF IN THE FIRST POSTWAR YEARS (BY EXAMPLE OF LENINGRAD COURTS)

Saint Petersburg Institute for the History RAS,
7 Petrozavodskaya str., St. Petersburg, 197110, Russia

The article is devoted to the low-investigated problem of the judiciary formation in the first postwar years. Various aspects of the personnel work in Leningrad municipal court (Lengorsud) as well as its educational component have been studied based on archival data and normative sources. The research is based on comparative, structural, logical and quantitative methods, principles of historicism, consistency and scientific objectivity.

In the early 1950s the judicial staff in Leningrad was incomplete, so the authorities sought to provide courts with competent and loyal employees as soon as possible. During the period under study, the issues of staffing and recruitment were assigned to the Ministry of Justice of the USSR. In the regions these issues were solved by the Ministry of Justice Directorates (MJD). In particular, MJD in Leningrad considered not only the number of people's courts corresponding to the number of incoming cases, but also premises where the courts would be opened. Later, at the stages of the candidate's approval, party bodies were involved (and in some cases Lengorsud, especially if it concerned its own staff), but these powers were formally assigned to the justice bodies.

The article examines ways of filling judicial vacancies and problems that hampered the complete staffing of judicial institutions that were urgently needed under conditions of postwar growth of incoming cases (both civil and criminal).

Having revealed the specific solutions to a problem of judicial staff in Leningrad, the author asserts that the main obstacle to the judiciary formation was the absence of a proper number of party citizens with a legal education and loyal to authorities. Other factors, such as repression and rotation in the judiciary community during the period under consideration were not of decisive importance for Leningrad.

Key words: Soviet judiciary system, Leningrad municipal court, people's court judge, Ministry of Justice Leningrad Directorate, USSR Ministry of Justice, staffing matter.

Екатерина Владимировна Долгополова – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН, e-mail: caterina.dolgoplova2011@yandex.ru.

Ekaterina V. Dolgoplova – post-graduate student Saint Petersburg Institute for the History RAS.

После окончания Великой Отечественной войны многие чрезвычайные судебные и административные меры были отменены, сокращено число военных трибуналов. Мероприятия по переводу судебной системы с военного на мирный лад осуществлялись в непростых условиях: серьезно пострадала материально-техническая база (некоторые здания были разрушены или заняты другими учреждениями), выросла нагрузка гражданских и уголовных дел на суды. Но одним из ключевых и наиболее острых для судебных органов страны в послевоенное время стал кадровый вопрос, под которым применительно к послевоенному этапу развития следует понимать дефицит квалифицированных работников суда. Решение кадрового вопроса подразумевало меры по подготовке и подбору новых работников, а также по повышению квалификации действующих судей.

Работа с кадрами судов еще не была в центре внимания исследователей. М.В. Кожевников на обширном опубликованном и архивном материале проследил историю становления советской судебной системы до середины 1950-х гг. [1, 2]. Послевоенному периоду уделено сравнительно немного внимания, но отдельные мероприятия, направленные на преобразование судебной системы в послевоенный период, в том числе вопросы кадрового обеспечения, были обозначены ученым, главным образом с опорой на конкретные нормативные и директивные документы. В последующие десятилетия советские исследователи не внесли ничего принципиально нового в изучение темы по сравнению с монографиями М.В. Кожевникова.

В зарубежной историографии данная тема изучалась, но совершенно с других методологических позиций. Особое место занимает исследование П. Соломона [3]. Он подвергает тщательному анализу различные стороны функционирования советского правосудия 1920–1950-х гг., в том числе интересуется проблемой получения профессионального образования работниками юстиции, взаимодействием работников прокуратуры и судов.

Из постсоветских исследований формирование корпуса судей нашло освещение в работе А.Я. Кодинцева [4]. Как историк и юрист, он, опираясь на лучшее из историографического наследия, оперирует более широким кругом архивных источников, сочетает методы исторической науки и специальные юридические методы. Это позволило ему реконструировать среднестатистические портреты судебных работников, развернуть изучение научных проблем, поднятых П. Соломоном, в частности, тему политической борьбы между органами системы внутренних дел. А.Я. Кодинцев кропотливо и педантично реконструировал институциональную, нормативную, функциональную и коммуникативную стороны деятельности органов юстиции, а через функцию судебного управления, которая с 1938 по 1956 г. находилась в руках Министерства юстиции СССР, проследил работу судов разных уровней подсудности.

Существующая литература оперирует только общесоюзными показателями, что не позволяет исследователям определить специфические проблемы среднего и нижнего уровней судебной системы. Данный пробел можно восполнить только благодаря изучению работы судов в локальном и региональном масштабах. Упомянутым обстоятельством объясняется выбор объекта исследования. В пределах Ле-

нинграда, второго по населению города СССР, действовали местные суды, подчиненные городскому суду, что позволяет проследить формирование корпуса судей среднего звена подсудности. Уникальность объекта исследования состоит в том, что, кроме Ленинграда и Москвы, все остальные суды средней подсудности действовали в пределах целых регионов¹.

Источниковой базой исследования послужили нормативные и делопроизводственные источники, как опубликованные², так и извлеченные из архивных фондов Министерства юстиции РСФСР, Ленгорисполкома, Ленгорсуда и партийных ячеек Ленгорсуда и Управления Министерства юстиции по г. Ленинграду.

С формальной точки зрения комплектование штата судей в рассматриваемый период происходило в порядке, который сложился в конце 1930-х гг. Согласно закону «О судостроительстве» 1938 г. судьи в народные суды избирались гражданами района сроком на три года. Право выдвижения кандидатов закреплялось за общественными организациями и обществами трудящихся. Члены суда среднего звена подсудности избирались краевым, областным Советом депутатов сроком на пять лет (члены Ленгорсуда избирались Ленгорсоветом депутатов трудящихся). По положению о Наркомате юстиции СССР от 15 июня 1939 г. областные, краевые, республиканские и городские (для Москвы и Ленинграда) Управления Наркомата юстиции, являясь проводниками политики наркомата на местах, должны были готовить предложения по количеству народных судей и судей областных судов и заниматься их непосредственным подбором [4, с. 230]. Подбором сотрудников в Управлении Министерства юстиции (далее – УМЮ) по г. Ленинграду занимался отдел кадров Управления. Главными требованиями к кандидату на должности народного судьи и народного заседателя, согласно закону, выступали только отсутствие судимости и достижение возраста 23 лет. Наличие высшего образования до 1946 г. не являлось обязательным условием. Однако в действительности требовалось еще «правильное» происхождение (желательно из рабоче-крестьянской среды), лояльность режиму (кандидаты, как правило, либо должны быть членами партии, либо собирались вступить в ее ряды). Все кандидатуры согласовывались с райкомом, обсуждались на бюро горкома ВКП(б) и согласовывались с обкомом партии. Копии характеристик направлялись в Министерство юстиции РСФСР [5, с. 26]. Сказанное касалось не только впервые избирающихся кандидатов, но и судей, которым предстояла процедура переизбрания.

¹ Суд среднего звена являлся вышестоящим судом для судов низшего звена, действующим в качестве кассационной инстанции для проверки дел, поступавших из народных судов, а также судом первой инстанции для категорий гражданских и уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом данного уровня. В указанный период к судам среднего звена относились верховные суды автономных республик, краевые, областные, Московский и Ленинградский городские суды.

² История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: сб. док. М., 1955. 636 с.; Сборник приказов и инструкций МЮ СССР. 1936–1946. М., 1949. 436 с.

Свою кадровую политику министерство, как уже отмечалось, реализовывало через сеть управлений НКЮ (с 1946 г. – УМЮ). В марте 1945 г. приказом наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова была введена программа ревизии судов ведомством УНКЮ. В частности, ревизор Управления проверял состояние работы с кадрами (подбор, повышение квалификации, обучение, текучесть, злоупотребления, учет кадров, меры поощрения) [4, с. 313; 5, с. 26].

В феврале 1947 г. была принята новая номенклатура должностей, согласно которой начальники управлений МЮ представляли к избранию членов областных судов и народных судов, они же назначали судебных исполнителей, нотариусов, технических сотрудников судов [4, с. 466]. Тем самым кадровый вопрос, и без того фактически находящийся в компетенции Министерства юстиции, нормативно закреплялся в руках данного ведомства.

В первые послевоенные годы штат судей Ленгорсуда страдал от недокомплекта. Эту проблему УМЮ по г. Ленинграду не сумело решить до начала 1950-х гг. В 1944 г. в Ленгорсуде работало 16 членов суда³, и это было вполне приемлемо для его нормальной деятельности. К концу 1945 г. было уже 22 члена суда⁴, но в условиях резкого роста поступления дел такого количества оказалось недостаточно⁵. Так, в 1944 г. всего в Ленгорсуд поступило 7 388 дел (по гражданской и уголовной судебным коллегиям первой и второй инстанции)⁶, в 1945 г. только гражданских дел по первой и второй инстанции имелось 16 054, а вместе с уголовными делами (исключая второе полугодие по второй инстанции) – 18 059 дел⁷. По состоянию на 1 января 1946 г. в штате Ленгорсуда числилось 25 судей⁸. Все они являлись членами партии. По национальному составу это были преимущественно русские – 22 человека (1 белорус и 2 еврея). В составе судебного корпуса женщины преобладали над мужчинами (15 против 10). Высшее юридическое образование имело лишь 11 членов суда, среднее – 2, обучались в юридической школе – 12; один человек в графе «образование» указал «самостоятельная работа над собой». При этом большинство судей обладало значительным практическим опытом: 12 судей имели стаж работы в органах юстиции свыше 10 лет, 11 судей – от 6 до 10 лет, двое – от 4 до 5 лет. По возрасту наблюдается серьезный перевес представителей старшего поколения: 11 судей было в возрасте свыше 64 лет, 13 судей – от 36 до 45 лет, один – от 31 до 35 лет⁹. Таким образом, по национальному признаку состав суда был достаточно однороден по национальному составу. Однако бросается в глаза значительный разрыв в профессиональном стаже и профильной

подготовке судей, что объясняется тем, что сначала судья вступал в должность, а потом получал образование или повышал свой уровень.

В ходе министерской проверки в июле 1946 г. в Ленгорсуде была зафиксирована недоукомплектованность штата: не были замещены должности 4 членов суда, консультанта, 14 технических работников¹⁰.

В ноябре 1947 г. председатель Ленгорсуда К.П. Булдаков составил записку, в которой приводил подробный расчет необходимого количества членов суда на 1948–1952 гг., исходя из фактического и прогнозируемого поступления дел. 27 ноября он направил телеграмму министру юстиции РСФСР И.А. Басавину, в которой просил утвердить штат Ленгорсуда в составе председателя, 2 заместителей председателя, 42 членов суда, 14 секретарей на коллегии по уголовным и гражданским делам, 10 секретарей судебного заседания, 6 машинисток¹¹.

Просьба К.П. Булдакова была выполнена, но не полностью – по штатному расписанию на 20 апреля 1948 г. в Ленгорсуде работало 33 члена суда (в том числе председатель и два его заместителя)¹². На 1 января 1950 г. состав оставался неизменным¹³. Только в 1958 г. он увеличился до 116 чел., однако 67 из них (57,8 %) из них относились к техническому персоналу. Такое значительное расширение численности технических служащих закономерно при возросшем документообороте¹⁴.

Дефицит кадров с профильным образованием являлся главным препятствием для замещения штатных судебных должностей в рассматриваемый период: в 1946 г. только половина судей Ленгорсуда имела высшее юридическое образование. Однако в марте 1953 г. среди вновь избранных двух заместителей, председателя и 32 членов только пятеро не имели высшего образования, у троих было среднее юридическое и у двоих – незаконченное высшее¹⁵.

Политические факторы влияли на кадровую политику, но не оказали существенного влияния на подбор кадров в Ленинграде. В феврале 1948 г. в секретном письме МЮ РСФСР предписывалось министрам юстиции АССР, начальникам УМЮ областей и краев выявлять лиц с национальностью, «не входящей в состав СССР». Прежде всего речь шла об евреях [4, с. 405]. В марте 1948 г. последовало распоряжение заместителя министра юстиции РСФСР В.Н. Суходрева проверять биографические данные сотрудников. Об исполнении проверки необходимо было доложить к 15 апреля 1948 г.¹⁶ Такое распоряжение вписывалось в общий курс вытеснения евреев из среды номенклатурных работников. В начале 1948 г. по распоряжению советского руководства был ликвидирован лидер Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэлс, и, как отмеча-

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1711. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

⁴ Подсчитано по спискам оперативных работников суда по состоянию на 1 октября 1946 г. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8134. Оп. 1. Д. 56. Л. 51, 52.)

⁵ Характерная ситуация для первых послевоенных лет. Так, в 1945 г. штат судей Самарского областного суда состоял из 16 чел. [6, с. 241]. Такая же ситуация сложилась в Челябинском областном суде, штат судей которого в 1946 г. насчитывал 18 чел. [7, с. 78].

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 33. Л. 1, 1 об., 7.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 56. Л. 1, 2.

⁹ Там же. Л. 10–12.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 33. Л. 11.

¹¹ По состоянию на 15 апреля 1947 г. в Ленгорсуде работало 27 членов суда, 14 секретарей и 4 машинистки (ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 60. Л. 24, 74, 79).

¹² Там же. Д. 71. Л. 17.

¹³ Там же. Д. 90. Л. 15.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 14. Д. 1050. Л. 150.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 2222. Л. 58.

¹⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 70. Л. 6.

ет Г.В. Костырченко, с 1949 г. кадровые чистки приобрели антисемитский характер [8, с. 8, 9, 106–119].

Такие же проверки коснулись и судей Ленгорсуда. В конце 1950 г. выяснилось, что один из ведущих судей, окончивший в 1950 г. Университет марксизма-ленинизма, «умышленно пять лет обманывал партию», указывая иную национальность. В 1945 г. в райвоенкомате Ленинграда судье было выдано временное удостоверение для обмена на паспорт. В нем-то он обнаружил в графе «национальность» – «русский», но якобы не придал этому значения и в тот же день получил паспорт. Далее во всех документах судья указывал в графе «национальность» – русский. Когда подлог был обнаружен, дело несколько раз разбиралось на заседаниях партийного бюро. Судья продолжал отрицать свою вину в сокрытии данных, мотивируя тем, что не увидел в этом чего-то незаконного, так как сам он считает себя русским. Аргументировал он тем, что его мать была еврейкой, но отец – русским, и воспитывался судья в семье с русскими обычаями. Формально дело ограничилось вынесением выговора с занесением в учетную карточку весной 1951 г. Однако в 1953 г. кандидатура судьи не была вынесена на очередные выборы штата Ленгорсуда, несмотря на то, что в 1952 г. он сдал кандидатские минимумы – редкость для судей любого уровня в то время¹⁷.

Чисток по иным признакам в рассматриваемый период в Ленгорсуде выявить не удалось, кроме показательной ротации руководства в ходе «ленинградского дела». В марте 1950 г. был отстранен от должности председатель Ленгорсуда К.П. Булдаков. Его пытались обвинить в связях с «вражеской группой А.А. Кузнецова, М.Н. Родионова, П.С. Попкова и др.». Но никаких антигосударственных связей между упомянутыми деятелями и судьей не было обнаружено. Обвинению предшествовала министерская проверка в Ленгорсуде. В итоге главными причинами отстранения были названы просчеты в руководстве (мягкость карательной политики), «политическая близорукость» и «аморальное поведение». Почти одновременно покинули свои посты два заместителя К.П. Булдакова: К.М. Чудновский был отозван по состоянию здоровья в январе 1950 г.¹⁸ и М.А. Ронин 4 сентября 1950 г. за «необеспечение руководства»¹⁹.

Формирование судебного корпуса не заканчивалось его подбором и выборами. Важным направлением оставалась дальнейшая работа с избранными судьями – прежде всего воспитательная. Ею должны были заниматься в основном судьи среднего звена. Они, в свою очередь, проводили эту работу как внутри своей организации, так и с народными судьями.

Одним из «воспитательных» инструментов суда среднего звена являлся контроль над повышением идейно-политического уровня работников суда посредством так называемых отчетов «о работе над собой». Такие доклады, как правило, проходили с содокладчиками – судьями, которые проверяли, как на самом деле выполнялось то, о чем собирался рассказать тот или иной судья.

Воспитательная составляющая в работе суда, ориентированная на общество в целом и на само сообщество работников юстиции, подчеркивалась в методической литературе и нормативных актах. Тезис о том, что «суд должен быть примером организованности в работе и воспитывать на том других» [10, с. 55], логически вытекал из ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г. «О дисциплинарной ответственности судей», где говорилось, что судьи, воспитывая граждан «в духе уважения и неуклонного соблюдения советских законов», сами должны явить пример строжайшего соблюдения законов, ибо лишь в этом случае они обретают не только официальное, но и моральное право судить других²⁰. Эта позиция поддерживалась и самими работниками юстиции: «Задачи, предъявляемые к органам юстиции, требуют от их работников высоких душевных качеств, профессионального мастерства, безукоризненной честности, широты политических знаний, глубокой идейной убежденности» [10, с. 241]. Отсюда такое пристальное внимание не только к профессиональной компетенции, но и к моральному облику судьи в то время.

Формирование судебного корпуса в послевоенные годы происходило под контролем партийных органов, испытывало деформирующее влияние идеологических кампаний и внутриведомственной борьбы. Пример Ленинграда свидетельствует, что благодаря работе УМЮ в г. Ленинграде и Ленгорсуда в первой половине 1950-х гг. судебные органы нижнего и среднего звена были наполнены кадрами, среди которых судьи без юридического образования представляли редкое исключение.

Рассмотренные особенности решения кадрового вопроса в судах г. Ленинграде позволяют утверждать, что главным препятствием на пути формирования судебного корпуса был дефицит должного количества партийных и лояльных власти граждан с юридическим образованием. Такие факторы, как «чистки» и ротации, в судебском сообществе в рассматриваемый период не имели решающего значения. Проведенное исследование согласуется с положением П. Соломона о том, что в послевоенный период партийное руководство «сделало выбор в пользу юридического образования, которое получали уже работавшие в органах юстиции люди» [3, с. 349]. Особое внимание власть уделяла поддержанию избранных судей на определенном квалификационном уровне, что выражалось в проверке на соответствие критериям профессиональной компетенции, морального облика, политической сознательности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1947 годы. М., 1948. 376 с.
2. Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 годы. М., 1957. 383 с.
3. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Л. Максименкова. 2-е изд. М., 2008. 464 с.
4. Кодинцев А.Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР в 30-50-е гг. XX в. Куртамыш, 2008. 589 с.
5. Долгополова Е.В. Управление Министерства юстиции по г. Ленинграду: основные направления деятельности (1946–1956 гг.) //

¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 3. Д. 10. Л. 61, 62.; Д. 17. Л. 18, 19 [9, с. 229].

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 2393. Л. 15.

¹⁹ Там же. Д. 1864. Л. 13.

²⁰ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. С. 589.

Вестник Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2015. № 7 (90). С. 23–26.

6. Встасть! Суд идет: история Самарской Фемиды / Лит. ред. В.В. Ерофеев. Самара, 2005. 560 с.

7. *Абрамовский А.П., Кобзов В.С., Вериго Е.А.* Челябинский областной суд. 70 лет. Люди события, факты. Челябинск, 2004. 280 с.

8. Государственный антисемитизм в СССР: от начала до кульминации, 1938–1953 / сост. Г.В. Костырченко (Россия. XX век. Документы). М., 2005. 590 с.

9. *Долгополова Е.В.* Воспоминания судьи Ленинградского городского суда как источник для изучения судопроизводства в Ленинграде в послевоенный период (1945 – начало 1950-х годов) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов Четвертой Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 228–237.

10. Человек перед судом / сост. А.П. Бороданков. Л., 1965. 243 с.

REFERENCES

1. *Kozhevnikov M.V.* The Russian Court history. 1917–1947. Moscow, 1948, 376 p. (In Russ.)

2. *Kozhevnikov M.V.* The Russian Court history. 1917–1956. Moscow, 1957, 383 p. (In Russ.)

3. *Solomon P.* Soviet justice under Stalin. 2nd ed. Moscow, 2008, 464 p. (In Russ.)

4. *Kodintsev A.Ya.* The state policy in the justice sphere of the USSR in the 30–50s of the XX century. Kurtamysh, 2008, 589 p. (In Russ.)

5. *Dolgoplova E.V.* Directorate of the Ministry of Justice in Leningrad: main activity directions (1946–1956). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 2015, no. 7, pp. 23–26. (In Russ.)

6. All rise for the court: the story of Samara Themis. Samara, 2005, 560 p. (In Russ.)

7. *Abramovskii A.P., Kobzov V.S., Verigo E.A.* Chelyabinsk Regional Court. 70 years. People, events, facts. Chelyabinsk, 2004, 280 p. (In Russ.)

8. State anti-Semitism in the USSR: from the beginning to culmination, 1938–1953. Ed. G.V. Kostyrchenko. Moscow, 2005, 590 p. (Russia. XX century. Documents). (In Russ.)

9. *Dolgoplova E.V.* Memories of Leningrad municipal court judge as a source to study justice in Leningrad in the postwar period (1945 – early 1950s). *Aktual'nye roblemy istoricheskikh issledovani: vzglyad molodykh uchonykh: sbornik materialov chetvertoi Vserossiiskoi molodyozhnoi nauchnoi konferentsii*. Novosibirsk, 2015, pp. 228–237. (In Russ.)

10. Man before the court. Ed. A.P. Borodankov. Leningrad, 1965, 243 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 23.10.2017